

***

Город Танхай. Благотворительный аукцион

На торжественном приёме, собравшем представителей высшего общества, присутствовал и дед Хань Шаочжоу — Пан Миншунь.

Будучи известным в Танхае меценатом и почётным гостем аукциона, дедушка появился в зале в инвалидном кресле, которое толкал его приёмный сын, Пан Юаньцин, одетый в безупречно сидящий строгий костюм. Несмотря на преклонный возраст и тяжёлую болезнь, в столь официальной обстановке Пан Миншунь держался бодро.

Заметив внука, старик преобразился, а его лицо осветилось искренней нежностью. Он жестом попросил Юаньцина передать кресло Хань Шаочжоу. Обменявшись дежурными приветствиями с гостями, Миншунь дождался момента, когда суета поутихнет, и попросил внука вывезти его на свежий воздух — прогуляться вдоль цветочных клумб у входа в банкетный зал.

Перед тем как они ушли, Пан Юаньцин опустился перед отцом на одно колено, едва не касаясь пола, и заботливо поправил тонкий плед на его ногах.

— Папа, не оставайтесь на улице слишком долго, — негромко произнёс он. — Врачи говорили, что вам нельзя переохлаждаться.

Пан Юаньцин был приёмным сыном Миншуня, ребёнком его покойного друга. Он вошёл в семью Пан в возрасте тринадцати лет и был на десять лет старше Хань Шаочжоу. Мужчина обладал аристократичной внешностью и мягкими манерами; за стёклами его безбодковых очков в тонкой металлической оправе скрывался взгляд удлинённых глаз — всегда кроткий и спокойный.

— Хорошо. Ступай, пообщайся с Президентом Цинем и остальными, — кивнул Пан Миншунь. — А мы с Шаочжоу побудем вдвоём.

— Договорились.

Юаньцин поднялся и посмотрел на племянника, добавив всё тем же мягким тоном:

— Сяо Хань, не вози дедушку туда, где сквозняки.

— Не волнуйся, — ответил Хань Шаочжоу.

Собеседник едва заметно улыбнулся. Его аккуратно уложенные волосы и чёткие черты лица создавали образ человека в высшей степени утончённого и благородного:

— Поговори с ним подольше. После твоего последнего отъезда дедушка только о тебе и спрашивал.

— Я понял, дядя.

Несмотря на то что формально они были дядей и племянником, Хань Шаочжоу не чувствовал к родственнику глубокой привязанности. Их круги общения почти не пересекались, и хотя между ними не было вражды, при встречах всегда сохранялось ощущение, что они не совсем одна семья.

На самом деле Шаочжоу всегда инстинктивно держал дистанцию. Пан Юаньцин был слишком идеален, слишком выверен в каждом своём жесте и слове. Хань не мог припомнить случая, чтобы этот человек хоть раз потерял самообладание. Все эти годы он называл его «дядей» из уважения, но в этом обращении никогда не было той дерзкой фамильярности, которую он позволял себе со своим покойным родным дядей.

***

Когда они покинули душный зал, Пан Миншунь заговорил о том же, о чём и в прошлый раз. Единственным изменением стало его решение: те активы, которые Шаочжоу должен был унаследовать по плану, старик решил заменить наличными.

Огромная корпорация «Диншэн Групп», оцениваемая в сотни миллиардов, переходила к приёмному сыну. Хань Шаочжоу же полагалось сто миллиардов наличными, включая инвестиционный фонд объёмом более девяноста миллиардов.

Для Миншуня это был лучший способ избежать конкуренции и вражды между приёмным сыном и родным внуком.

— Тебе и так хватает забот со своей «Шэнда», — ласково произнёс старик. — Считаю, что дед просто решил избавить тебя от лишней головной боли.

— Такая сумма... — Хань Шаочжоу слегка нахмурился. — Дедушка, ты обсуждал это с дядей?

Таланты Пан Юаньцина были неоспоримы. В последние годы под его управлением дела семьи Пан неуклонно шли в гору. Хань Шаочжоу видел в нём того самого идеального лидера, которым хотел бы стать сам: искусного в делах, проницательного, уравновешенного и умеющего скрывать свои истинные помыслы так глубоко, что он казался одновременно и дружелюбным, и совершенно непостижимым. Даже если бы дед оставил Юаньцину абсолютно всё, Хань счёл бы это справедливым.

— Ещё нет. Я найду время и сообщу ему, — медленно проговорил Пан Миншунь. — Тебе не стоит чувствовать себя обязанным. Если бы я в своё время не приютил и не воспитал твоего дядю, он бы не стал тем, кем является сейчас. Он оправдал мои ожидания, поэтому я со спокойной душой доверяю ему «Диншэн». Если бы не эти двадцать лет проверки на прочность, я бы никогда не отдал семейное дело человеку, в чьих жилах нет ни капли моей крови.

Во многих вопросах Пан Миншунь был куда более консервативен, чем Хань Чанцзун. Например, он явно отдавал предпочтение наследникам мужского пола, придавал чрезмерное значение кровному родству и долго не мог смириться с тем, что Шаочжоу нравятся мужчины. Лишь в последние годы он начал смотреть на вещи проще, постепенно передавая бразды правления приёмному сыну, и при каждой встрече спрашивал внука, когда тот приведёт познакомиться своего «избранника».

Миншунь вздохнул, и в его глазах промелькнула тень печали:

— Всё твой родной дядя виноват... Эх, непутёвый он был. Надо было мне заставить его жениться пораньше, чтобы оставить в семье Пан хоть одного наследника по крови. У твоего деда Ханя хотя бы ты есть. Когда-нибудь ты создашь семью, заведёшь детей, и дом твой наполнится смехом. А я... Эх. Столько у твоего дяди женщин было, как же он умудрился не оставить после себя ни одного ребёнка? И зачем я только требовал от него этой сдержанности...

«...»

***

Вскоре должен был начаться аукцион, и Шаочжоу повёз деда обратно в зал.

— Кстати, Шаочжоу, — внезапно спросил старик, — так и не завёл никого?

— Слишком много работы, — уклонился Хань.

Тратить время и силы на чувства сейчас казалось ему крайне невыгодным вложением.

— Похоже, я так и не дождусь твоей свадьбы до того, как испущу дух.

— Держись, дедушка. Протяни ещё лет пять-десять, и всё увидишь.

«...»

Миншунь рассмеялся, но тут же негромко добавил:

— Ты так похож на своего покойного дядю... Глядя на тебя, я всегда вспоминаю его. Если ты женишься, мне будет казаться, будто это он обрёл своё счастье.

Здоровье Пан Миншуня было куда слабее, чем у Хань Чанцзуна; дни его были сочтены.

«Может, в следующий раз привезти к нему Мо Мина? — Хань Шаочжоу, видя меланхолию деда, невольно задумался. — Пусть подыграет мне, изобразим перед стариком счастливую пару. Порадовать старика — дело нехитрое»

У самого входа в зал Миншунь вдруг придержал руку внука:

— Да, и ещё одно. То, о чём мы говорили... Не рассказывай пока ничего дяде.

— Ты имеешь в виду те деньги и фонд?

— Да. Я подумал и решил, что просто впишу это в завещание, — медленно произнёс старик. — Может, я и впрямь старею, но твой дядя слишком уж скрытен. Он никогда не показывает своих чувств, и порой я совершенно не понимаю, что у него на уме.

Хань Шаочжоу смутно догадывался о причинах беспокойства деда. В этом не было ничего удивительного — так веками строились отношения. Какое значение имеет связь между дядей и племянником, если они не родные по крови? Когда на кону стоят колоссальные интересы, даже родные братья начинают строить козни друг против друга.

— Я понял.

На аукционе Хань Шаочжоу выкупил две каллиграфические работы эпохи Восточной Цзинь, решив преподнести их своему деду Ханю. Для себя же он присмотрел лот середины династии Цин — кинжал в бронзовых ножнах с золотым рельефным узором в виде дракона.

Однако во время торгов Пан Юаньцин дважды перебивал его цену. Хань Шаочжоу мельком взглянул на мужчину, который стоял неподалёку с бокалом в руке, сохраняя на лице безупречно элегантную улыбку. Хань на мгновение задумался и не стал продолжать спор.

Вечер закончился поздно. Шаочжоу уже собирался вместе с ассистентом ехать в отель, когда перед ним бесшумно остановился серебристо-серый «Роллс-Ройс Фантом». Окно плавно опустилось, и Пан Юаньцин, сидевший на заднем сиденье, повернул голову к племяннику. Его лицо светилось доброжелательностью.

— Сяо Хань, завтра найдётся время? Дядя хотел бы пригласить тебя на обед.

Возможно, из-за того, что в салоне было темно, а неоновые огни города бликовали на стёклах

очков, Хань не видел глаз собеседника, но его голос звучал по-прежнему тепло и мягко.

— Прости, дядя, — с улыбкой ответил Хань Шаочжоу. — Мне нужно улететь завтра утром. В компании скопилась куча дел, требующих моего участия. Давай в другой раз.

— Что ж, тогда встретимся позже.

Пока Юаньцин говорил, телохранитель с переднего сиденья уже вышел и протянул Ханю футляр с тем самым кинжалом, за который они торговались.

— Я заметил, что тебе приглянулась эта вещь, — неспешно произнёс Пан Юаньцин. — Дядя не привык отбирать то, что нравится другим. Кажется, в этом месяце у тебя день рождения? Считай это моим подарком, вручённым немного заранее.

Хань Шаочжоу посмотрел на футляр:

— Но ведь тебе этот кинжал тоже понравился. Мне как-то неловко принимать такой подарок.

— Вещи твоего дяди — если я хочу их отдать, они твои, — на губах Пан Юаньцина заиграла едва заметная улыбка, и он добавил тоном, похожим на шутку: — Но если я не намерен что-то отдавать, тебе не стоит об этом и помышлять.

Хань Шаочжоу едва заметно нахмурился. Он пристально посмотрел на Юаньцина и спустя долгую паузу усмехнулся.

— Раз дядя так говорит, я не смею отказываться.

Ассистент Шаочжоу принял футляр.

— Уже поздно, не смею больше задерживать тебя. Доброй ночи, дядя.

— Доброй ночи, Сяо Хань.

Стекло медленно поползло вверх, и улыбка на лице Пан Юаньцина мгновенно погасла.

— Президент Хань, машина подана, — тихо напомнил ассистент.

Хань Шаочжоу проводил взглядом уезжающий лимузин и, лишь когда тот скрылся за поворотом, сел в свой автомобиль. Лицо его было холодным. Он не был глуп и прекрасно понял скрытый смысл слов Юаньцина. Его лишь немного удивило то, что до этого момента он никогда не получал от приёмного дяди подобных намёков или предупреждений. Все эти годы Юаньцин

безупречно играл роль великодушного и доброго родственника.

Впрочем, то, что он проявил свою стальную хватку только сейчас, лишь подтверждало его невероятную выдержку.

***

За окном машины стремительно проносились огни ночного города. Хань Шаочжоу вдруг осознал, что его день рождения и впрямь не за горами. В последние годы он вечно был в разъездах. Раньше его праздники всегда сопровождались шумными вечеринками, но в последнее время он узнавал о том, что стал на год старше, только из поздравительных смс от друзей, находясь где-нибудь в командировке.

Однако в этом году он, скорее всего, будет в Чуаньхае. Можно будет устроить для того малыша что-нибудь по-настоящему романтическое...

Шаочжоу достал кинжал из футляра. Бронзовые ножны были изысканны: на тёмной поверхности чётко выделялся золотой дракон. Вещь была увесистой и приятной на ощупь. Хань достал телефон, сфотографировал кинжал и отправил Мо Мину.

[Хань Шаочжоу: (Изображение)]

[Хань Шаочжоу: Дарю тебе, Малыш]

[Хань Шаочжоу: Нравится?]

Красивые вещи должны принадлежать его красивому любовничку — этого правила он придерживался неукоснительно. Ответ не приходил долго, и Хань решил, что Мо Мин уже спит. Немного подумав, он снова открыл приложение... Пусть утреннее пробуждение парня начнется с маленького сюрприза.

[Хань Шаочжоу: (Денежный перевод)]

[Хань Шаочжоу: Сладких снов, Малыш]

Только он собрался убрать телефон, как мгновенно раздался системный сигнал:

[Малыш принял ваш денежный перевод]

Хань Шаочжоу: «...»

<http://bllate.org/book/15854/1440159>